

Политика в фокусе

ШАЛЫГИНА Наталья Валентиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, РАН (119334, Россия, г. Москва, Ленинский пр-кт, 32А; etgender@mail.ru)

КАЩЕНКО Татьяна Леонидовна – кандидат философских наук, доцент; ведущий научный сотрудник департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; tan-yakashch@mail.ru)

«ПРАЗДНИК НЕПОСЛУШАНИЯ» ПО-БЕЛОРУССКИ (о ценностях современной белорусской молодежи)

Аннотация. Авторы оценивают августовские события 2020 г. в Беларуси в контексте амбивалентности современной субкультуры молодежных протестов. С одной стороны, тотальная цифровизация молодых поколений в различных странах обеспечивает им единую платформу восприятия реальности, а с другой – процесс осознания молодежью значимости своих этнокультурных корней, также ставший приметой сегодняшнего дня, нарушает единство этой платформы. В этой парадигме своеобразие белорусской ментальности, уходящее корнями в историю страны, определяет характерные черты протестного потенциала белорусской молодежи. В статье подчеркивается, что белорусская молодежь находится под воздействием нескольких противоречивых факторов влияния, препятствующих выработке у нее ясной позиции по отношению к происходящим в стране событиям.

Ключевые слова: молодежь, межпоколенная трансляция ценностей, субкультура молодежных протестов, белорусская ментальность, Россия, Беларусь, Украина

Современная субкультура молодежных протестов, ставшая одним из наиболее действенных инструментов «цветных революций», отличается отчетливо выраженной амбивалентностью. С одной стороны, тотальная цифровизация молодежной ментальности обеспечивает ей единую платформу восприятия реальности. Но, с другой стороны, активно развивающиеся в современном мире процессы деглобализации, направленные в т.ч. и на увеличение значимости маркеров этнокультурной аутентичности, нарушают единство этой платформы, придавая ей различные этнические и национальные оттенки. В условиях деглобализации молодежь различных стран не может оставаться неким гомогенным политическим субстратом, объединенным лишь возрастными особенностями и склонностью к «непослушанию» старшим. Молодежь является частью культуры своей страны, наследницей усвоенных с раннего детства традиций, норм поведения и особого менталитета, сформированного в условиях конкретной культуры. Даже включаясь в протестные движения, направленные на ниспровержение сложившихся в обществе устоев, молодые поколения так или иначе опираются на ту модель мировосприятия, которая характерна именно для их культуры и которую нельзя не учитывать при оценке политической значимости молодежных движений в целом.

Августовские события 2020 г., связанные с президентской избирательной кампанией в Беларуси, несмотря на их схожесть с украинским Майданом 2014 г., особенно ярко показали, что протестный потенциал белорусской молодежи имеет свои собственные характерные черты, уходящие корнями как в историю страны, так и в культуру межпоколенной трансляции ее ценностных норм.

Значение поколенческой преемственности для формирования ментально-

сти новых поколений впервые была предложена американскими исследователями Уильямом Штраусом и Нилом Хоувом еще в 1991 г., когда вышла их книга «Поколения», содержащая биографии разных поколений США, начиная с 1584 г. [Strauss, Howe 1991]. Авторы обосновали так называемый поколенческий цикл смены моделей поведения, который лег в основу их версии истории США, а позднее трансформировался в некую объяснительную теорию «настроенческих» эпох, последовательно сменяющих друг друга в истории наиболее развитых стран. Первая эпоха, согласно этой теории, всегда связана с посткризисным состоянием общества и знаменует собой начало «подъема», когда государственные институты достаточно сильны и определяют основной вектор развития социума. Те члены общества, которые не хотят «быть как все», представляют собой на этом этапе абсолютное меньшинство, не способное конструктивно противостоять сильной государственной власти (1945 – середина 1960-х гг.). Вторая эпоха определяется авторами теории как постепенное «пробуждение», т.е. нарастание недовольства нового поколения, воспринимающего дисциплину, исходящую от сильной государственной власти, в качестве фактора, который сдерживает дальнейшее развитие общества. На этот период, по мнению авторов, приходятся массовые молодежные протесты и студенческие движения, декларирующие необходимость смены власти (середина 1960-х – конец 1970-х гг.). Третья эпоха названа «спадом» и означает фактическое ослабление социальных институтов, теряющих доверие масс (середина 1980-х – нулевые годы в США). И наконец, четвертая эпоха была определена авторами как «кризис», который обычно выражается в разрушении прежних институциональных структур и создании новых, способных обеспечить выживание нации.

«Настроенческая» эпоха современной Беларуси, судя по теории Штрауса и Хоува, совпадает с состоянием общественного сознания, названного авторами «пробуждением», и напрямую связана с началом открытых молодежных протестов. Однако и предыстория этих протестов, и их содержательное наполнение заметно отличаются от майданных выступлений украинского студенчества 2014 г., т.к. основаны на другой системе формирования национальных ценностей. Если происхождение Украины как государства во многом носит директивный характер, объединивший относительно недавно (по историческим меркам) территории и народы, принадлежавшие до этого к различным этнокультурным анклавам и даже к другим государствам (Западная Украина, например), то белорусскую государственность скорее можно характеризовать как единое национально-территориальное пространство, которое в различные исторические периоды хотя и оказывалось под влиянием (как политическим, так и культурным) соседних государств, но сохранило свою целостность и архетипические основы ментальности населения.

Сама система белорусских ценностей формировалась одновременно под влиянием западно- и восточнославянской культур, но в этом процессе постепенно обретала и свои особые, специфические черты, такие как стремление к справедливости, ориентация на общинно-коллективистские (евразийские), а не на индивидуалистические (западноевропейские) ценности существования. Для белорусов, как и для русских, а также и украинцев, проживающих сегодня на территориях Восточной Украины, основным является не личность, а коллектив, общество с идеалами братской любви и солидарности, во многом сложившимися под влиянием православно-византийского духовного наследия. Высшей формой коллектива является государство, способное обеспечить сохранность культуры, языка, ценностей собственной истории, национальных традиций, обычаев, общечеловеческих идеалов добра и справедливости.

Своеобразие белорусской ментальности нашло свое отражение уже в само-бытной философской системе выдающегося белорусского мыслителя Николая Гусовского (1470–1533?); в предисловиях к переводам Библии первопечатника восточнославянской письменности Франциска Скорины (1490–1541 гг.); в произведениях последователей Скорины – писателя, философа и проповедника Сымона Будного (1530–1593 гг.) и гуманиста-просветителя Василия Тяпинского (1530–1600 гг.), обративших внимание на опасность утраты национальной идентификации белорусской элитой; в произведениях писателя Льва Сапеги (1557–1623), отстаивавшего идею правового государства Беларусь, и др. авторов XV–XVII вв.

Однако, несмотря на стремление белорусских философов сохранить и укрепить в сознании населения приверженность своему государству и своей собственной белорусской культуре, пограничное положение страны, испытывавшей постоянное давление как западных (Великое княжество Литовское), так и восточных (Россия) соседей, вынуждало правящую элиту на протяжении веков лавировать между ними, уступая то западному, то восточному влиянию. Но уже после первых двух разделов Речи Посполитой (1772 и 1773 гг.), частью которой являлась и Беларусь, Екатерина II изменила ситуацию в пользу России, подписав указы о переводе всего делопроизводства и образования на присоединенных землях на русский язык [Миллер 2000].

Русификация Беларуси, однако, в начале XIX в. не носила всеобъемлющий характер. Императоры Павел I и Александр I вообще не принимали каких-либо значимых мер против распространения польской культуры, вследствие чего польское влияние на территории Беларуси быстро восстановилось и уже к концу первой четверти XIX в. превышало русское. Только после польского восстания 1830 г. российское правительство начало предпринимать решительные действия по распространению русского языка. Политика Николая I, направленная на унификацию российских земель, предусматривала уничтожение польской системы образования, закрытие униатских и базилианских школ, функционирующих по римско-католическому образцу. Меры по русификации белорусского образования еще более усилились после польского восстания 1863–1864 гг., в первую очередь из-за того, что в этом восстании самое активное участие принимали студенты Горы-Горецкого земледельческого института, единственного высшего учебного заведения на этнической территории Беларуси. Сам институт после этих событий был переведен в Петербург. Не менее решительные меры были приняты и в отношении польского языка, который запрещался во всех присутственных местах, а лицам «польского происхождения» было запрещено приобретать земли на северозападных территориях.

Ко второй половине XIX в. в Беларуси не только возобладал русский язык, но и уровень грамотности в целом оказался выше, чем на других территориях Российской империи. Так, с 1860 по 1881 г. число школ в Беларуси увеличилось в 3,8 раз (с 576 до 2 185), а уровень грамотности среди белорусов в возрасте от 9 до 49 лет составил 32% по сравнению с 27,9% на Украине и 29,6% в великорусских губерниях [Черепица 2003: 25]. К началу XX в. на территории Беларуси не осталось ни одной школы с преподаванием на белорусском языке.

Однако положительная сторона русификации Беларуси – это обретение ею возможности интенсивного государственного развития. В 1920 г. Беларусь стала одной из основательниц будущего Советского Союза наравне с РСФСР, УССР и ЗССР. Несмотря на очевидные перегибы в построении социализма на территории Советского Союза (установление командно-административной системы управления, репрессии и т.д.), БССР стратегически выиграла, начав

вместе с другими республиками ускоренными темпами развивать промышленное производство (сверхиндустриализация), а впоследствии активно включившись и в научно-техническую революцию. Значительные капиталовложения, выделяемые советским правительством на образование в БССР, в итоге определяли и глубокое проникновение социалистических идей в сознание учащейся молодежи.

Но что особенно важно, процесс советизации в Беларуси не был насильственным, скорее наоборот: в республике с самого начала ее существования в рамках СССР не менее активно проводилась и политика белорусизации начальной школы. Так, в 1927–1928 уч./г. из 5 536 общеобразовательных семилетних школ в 4 941 школе преподавание велось на белорусском языке¹. Строительство новой жизни, коллективный труд, защита Родины, дружба народов в сочетании с возможностью сохранения традиций постепенно становились теми ценностями максимумами, которые находили свое полноценное отражение в произведениях белорусских писателей, в кинопродукции студии «Беларусьфильм». С 1947 г. и вплоть до начала 1990-х гг. студия «Беларусьфильм» выпустила сотни художественных фильмов патриотического содержания, которые так же, как и фильмы студий «Мосфильм» или «Ленфильм», сформировали в СССР доминантные ценности целого поколения, называемого беби-бумерами (1943–1963 гг. рождения). К таким ценностям следует, прежде всего, отнести единые стандарты образования, бесплатную медицину, гордость за страну, не только выстоявшую в «холодной войне», но и покорившую космос, достигшую мировых высот в культуре и искусстве, не знавшую социального расслоения (в сегодняшнем понимании этого явления) и т.д. Говоря о белорусской молодежи этого поколения, нужно отметить, что вся предшествующая история страны фактически предопределила ее лояльность по отношению как к России, так и к советскому образу жизни, а также к той роли, которая в процессе формирования СССР была отведена самой Беларуси. Подтверждением этой лояльности может служить готовность беби-бумеров ретранслировать последующим поколениям страны те основные ценности, которые стали основой формирования их собственной национальной идентичности.

Однако способность молодежи поколения X (условно 1963–1984 гг. рождения) в полной мере усваивать советские ценности оказалась под большим вопросом. Это поколение нередко называют «неизвестным поколением» (термин Д. Коупленда), с характерными тревогами и страхами молодежи, живущей в эпоху перемен и социальной неопределенности. Представители поколения X обрели ничем не ограниченную свободу, сопоставимую с полной социальной дезориентацией, т.к. все идеологические институты уже бывшего советского государства, призванные направлять социализацию подрастающего поколения, прекратили свое существование [Кашенко 2015]. Новая реальность постсоветского периода 1990-х гг. для поколения X, по сути, оказалась временем новых вызовов, формирующих иную систему ценностей. В условиях кардинальной ломки экономической, социально-политической и идеологической систем, начала войны в Афганистане, нарастания угрозы неконтролируемого распространения наркотиков и СПИДа молодежь поколения X вынуждена была вырабатывать такие ценности и жизненные стратегии, которые были бы адекватными изменившейся в стране ситуации. Одной из наиболее заметных ценностных максим того времени стал поведенческий прагматизм и отторже-

¹ *История Белоруссии в документах и материалах* (авт.-сост. И.Н. Кузнецов, В.Г. Мазец). Минск: Амалфея. 2000. С. 302-303.

ние романтически ориентированных мотиваций, характерных для жизненных стратегий предыдущих поколений.

Социализация в условиях распада советской государственности, выпавшая на долю поколения *X*, предопределила развитие у его представителей таких качеств, как высокая степень выживаемости, самостоятельность, неверие в государственные институты, критичность по отношению к каким-либо политическим догмам, надежда исключительно на себя и свои деловые качества и т.п. Однако конкретная социально-политическая среда в Беларуси уже в условиях постсоветского пространства все же внесла коррективы в картину ценностных ориентаций поколения *X*.

Белорусская модель социокультурного развития после развала СССР заметно отличалась от российской. По мнению профессора Белорусского государственного университета Ларисы Титаренко, белорусы в новых условиях постсоветского пространства оказались менее склонными к либеральным ценностям, чем россияне [Титаренко 2004: 135]. Если российская молодежь поколения *X* на первом этапе своей социализации пережила резкое усиление либерально-демократических настроений и активно включилась в борьбу за такие понятия, как свобода, демократия, права человека [Лапкин, Пантин 1998], т.е. те ценности, которые фактически были предоставлены ей в виде готовых западных рецептов для борьбы с так называемым авторитарным режимом, то белорусская молодежь этого поколения, напротив, на первом этапе постсоветского периода фактически игнорировала политизацию сферы общественной жизни и сосредоточилась на тех ценностях, которые исторически гарантировали населению страны выживание в геополитическом пограничье, — это семья и труд [Калачева 2020].

На втором этапе социализации белорусского поколения *X* (25–35 лет) их ментальность заметно трансформируется. Социально-психологические исследования 2009 г., проводившиеся минскими учеными, зафиксировали сдвиг самоидентификации представителей белорусского поколения *X* в сторону индивидуализации их сознания. Увеличивается лояльность белорусской молодежи по отношению к общепринятым в евро-атлантическом мире ценностям (например, к гомосексуализму), ослабевают групповые связи, обязывающие индивида к определенным действиям коллективного характера, и, наоборот, повышается стремление к социальной мобильности, свободе и независимости личности в обществе. Особенно характерно то, что скорость изменений, происходящих в ценностных ориентациях белорусской молодежи, измерявшаяся минскими исследователями на основе индекса Герфиндаля-Хиршмана, оказалась выше, чем не только у россиян, но и у таких западно ориентированных народов постсоветского пространства, как, например, литовцы или украинцы. По сути, данный показатель белорусской ментальности поколения *X*, согласно данному исследованию, сравнялся с аналогичным средневропейским [Широканова 2009].

Тем не менее трансформация молодежной ментальности белорусов в постсоветский период практически не затронула их базовые ценности, сформированные предыдущими поколениями, включая советский период. Этносоциологические исследования молодежной ментальности, проводившиеся в 2018–2020 гг. совместными усилиями российско-белорусских ученых на базе Белорусского государственного университета (БГУ) и нескольких высших учебных заведений Москвы, показали, что нынешние поколения молодежи, которые принято называть поколениями *Y* (1986–2000) и *Z* (или зумерами, нулевых годов рождения), в большинстве своем позитивно воспринимают советское прошлое своей страны. 75% всех участвовавших в заполне-

нии анкеты об отношении к различным периодам совместной истории России и Беларуси выделили именно этот период как наиболее благополучный для своей страны [Шалыгина 2020].

Двойственность восприятия белорусской молодежью происходящих на постсоветском пространстве перемен (ориентация на либеральные ценности западного мира и одновременно признание социальных достижений советского времени) усугубляется к тому же и особенностями социализации всей поколенческой когорты поколений *Y* и *Z* (миллениалов, для краткости). Наравне с такими бесспорно адекватными современному миру ментальными маркерами, как качественно более высокий уровень усвоения новых технологий, отсутствие ощущения физических границ при постоянном функционировании в цифровом пространстве, способность органично «перетекать» из реальной среды обитания в виртуальную и обратно, а также ощущение свободы в условиях отсутствия каких-либо непреодолимых препятствий со стороны государственной политики или общественного мнения, миллениалы обладают и целым рядом качеств, которые вызывают много споров в экспертных кругах.

В 2013 г. международное сообщество буквально шокировала эпатажная статья американского журналиста Джозела Штейна «Поколение Я Я Я», где автор открыто заявляет, что новые поколения не способны справляться с вызовами, которые готовит им жизнь, что у них все чаще наблюдается «нарциссическое расстройство личности» в связи с необоснованно получаемыми наградами и бонусами, которые выдаются им только благодаря молодому возрасту; что они одержимы славой и считают себя вправе занимать руководящие посты, не имея для этого достаточных знаний и опыта; что они переоценивают собственную «крутизну»; что их ранняя самоидентификация — это не революция на фоне предыдущих поколений, а всего лишь развитие наметившейся ранее культурно-исторической тенденции; что они не являются новым видом, а скорее мутантами и т.п. Иногда характеристика новых поколений в статье звучит даже как приговор: «Они — самое грозное и волнующее поколение со времен беби-бумеров. И не потому что хотят прорваться к власти, а потому что растут без нее»¹.

Следует, очевидно, признать, что сегодня белорусская молодежь находится под воздействием нескольких противоречивых факторов влияния, препятствующих выработке у нее ясной позиции по отношению к происходящим в стране событиям. Позитивное отношение к советскому прошлому, передавшееся молодежи от старших поколений, на протяжении последних десятилетий активно поддерживалось государственной политикой Республики Беларусь в лице ее президента А.Г. Лукашенко. Им же после проведения референдума 1995 г. и получения поддержки 83,3% населения был форсирован фактически тотальный переход страны на русский язык при номинальном сохранении белорусского в качестве государственного [Коряков 2019: 27]. По сути, два последних поколения в РБ родились и выросли в русскоязычной среде, но при этом их социализация направлена на формирование сугубо белорусской идентичности. В своих ежегодных посланиях парламенту и народу президент РБ регулярно подчеркивает, что «мы — русские люди, но это не значит, что мы — россияне... Мы — белорусы, поэтому позвольте нам иметь свою точку зрения на мир»².

¹ Stein Joel. Millennials: The Me Me Me Generation. — *Time*. 20.05.2013. URL: <https://time.com/247/millennials-the-me-me-me-generation/> (проверено 01.11.2020).

² Лукашенко: «Считающие, что Белоруссия — часть Русского мира, — забудьте». Доступ: <https://regnum.ru/news/polit/1889647.html> (проверено 01.11.2020).

Двойственная позиция государственной политики «подкармливает» националистические настроения в РБ, направленные на дискредитацию «русского мира» и на сопротивление «восстановлению российско-советской империи» на территории постсоветского пространства¹. Но особенность формирования оппозиции в Беларуси постсоветского периода состоит в том, что этот процесс на протяжении последних десятилетий, начиная с 1994 г., всегда контролировался государственной властью и поэтому не приобрел в итоге особой привлекательности в глазах молодых поколений, которые, как уже было упомянуто, склонны игнорировать любые провластные интенции в своем окружении. При таком относительно индифферентном отношении белорусской молодежи к власти единственное, что могло бы сподвигнуть ее на протестные выступления против существующей власти, это технологически грамотные усилия внешних «игроков», заинтересованных в установлении контролируемого хаоса на территории страны. Это мы и наблюдали в значительной мере в августе 2020 г.

Список литературы

Калачева И.И. 2020. Межпоколенные коммуникации в современном белорусском обществе. — *Образы России и Беларуси в представлениях молодежи двух стран в XXI в.* М.: Изд-во ИЭА РАН. С. 99-115.

Кашенко Т.Л. 2015. О ценностях молодежи с позиции реализма. — *Молодежь в современном обществе: сборник материалов всероссийской заочной научно-практической конференции* (под ред. С.А. Бурилкиной, Б.Т. Ищановой, О.Л. Потрикеевой, Е.Н. Рашикулиной, Г.А. Супруненко). Магнитогорск. С. 123-128.

Коряков Ю. Б. 2019. *Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций*: дис. ... к.филол.н. М.: МГУ. 129 с. Доступ: <http://docplayer.ru/26783119-Yazykovaya-situaciya-v-belorussii-i-tipologiya-yazykovyh-situaciy.html> (проверено 25.10.2020).

Лапкин В.В., Пантин В.И. 1998. Ценности постсоветского человека. — *Человек в переходном обществе. Социологические и социально-психологические исследования.* М.: Изд-во ИМЭМО РАН. С. 2-33.

Миллер А.И. 2000. Планы властей по усилению русского ассимиляторского потенциала в Западном крае. — *«Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века).* СПб: Алетейя. С. 35-39. Доступ: <https://www.litmir.me/bd/?b=576782> (проверено 25.10.2020).

Титаренко Л.Г. 2004. *Ценностный мир современного белорусского общества. Гендерный аспект.* Минск: Изд-во БГУ. 205 с.

Шалыгина Н.В. 2020. Ценностные максимы поколений X, Y, Z (к вопросу о перспективах российско-белорусской интеграции). — *Образы России и Беларуси в представлении молодежи двух стран в XXI в.:* коллективная монография. М.: Изд-во ИЭА РАН. С. 115-138.

Широканова А.А. 2009. Индивидуализация постсоветской молодежи в сфере морали. — *Социологические исследования.* № 12(308). С. 121-125.

Черепица В.Н. 2003. *История гродненщины XIX–XX столетий в событиях и лицах.* Гродно: Изд-во ГрГУ. 420 с.

Strauss W., Howe N. 1991. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069.* N.Y.: William Morrow & Company. 538 p.

¹ Алексей Криволап: «Русский мир» пользуется электронной почтой на yandex.ru и mail.ru. — *Белсат TV.* URL: <http://belsat.eu/ru/programs/aleksej-krivolap-russkij-mir-polzuetsya-elektronnoj-pochtoj-na-yandex-ru-i-mail-ru/> (проверено 01.11.2020).

SHALYGINA Natalya Valentinovna, *Cand.Sci. (Hist.)*, Senior Researcher at the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (32A Leninsky Ave, Moscow, Russia, 119334; etgender@mail.ru)

KASHCHENKO Tatiana Leonidovna, *Cand.Sci. (Philos.)*, Associate Professor; Leading Researcher of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; tanyakashch@mail.ru)

THE BELARUS' «HOLIDAY OF DISOBEDIENCE» (the main values and meanings of modern Belarusian youth)

Abstract. The authors analyze the events of August 2020 in Belarus in the context of the ambivalence of the modern subculture of youth protests, in which the total digitalization of young generations in different countries, providing a single platform for their perception of reality, coexists with the growth of markers of ethnocultural authenticity that violate the unity of this platform. In this paradigm, the originality of the Belarusian mentality, rooted both in the history of the country and in the culture of intergenerational transmission of its value norms determines the characteristic features of the protest potential of Belarusian youth. The article emphasizes that the Belarusian youth is under the influence of several contradictory factors of influence that prevent them from developing a clear position in relation to the events taking place in the country.

Keywords: youth, intergenerational transmission of values, subculture of youth protests, Belarusian mentality, Russia, Belarus, Ukraine